

DOI 10.25991/VRHGA.2024.1.1.020

УДК 821.161.1

*Д. Н. Кожачкина**

ХРИСТИАНСТВО И ФИЛОСОФИЯ НИЦШЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ЕЛЕНЫ ГУРО

Статья посвящена проблеме синтеза и трансформации идей христианства и философии Ф. Ницше в творчестве Е. Гуро (повесть «История Бедного Рыцаря»). Рассматривается философия страдания и сострадания. Делается вывод о том, что Гуро и Ницше оценивали страдание как импульс к творчеству и писали о деликатности в сострадании; в христианстве они видели весть об избавлении от вины и наказания, а в Христе — «аристократа духа», исповедующего *amor fati*. С опорой на герменевтический анализ (Х.-Г. Гадамер, М. М. Бахтин) выдвигается гипотеза о том, что в своей интерпретации сочинений Ницше Гуро могла обращаться к книге Л. Шестова «Добро в учении гр. Толстого и Фр. Ницше. Философия и проповедь», поскольку повесть Гуро написана как бы в диалоге с Шестовым (обыгрываются понятия проповеди и добра).

Ключевые слова: Елена Гуро, Фридрих Ницше, Лев Толстой, Лев Шестов, герменевтика, христианство, русская литература, модернизм, немецкая философия.

D. N. Kozhachkina

CHRISTIANITY AND THE PHILOSOPHY OF NIETZSCHE IN THE WRITINGS OF ELENA GURO

The article is devoted to the synthesis and transformation of Christianity and the philosophic concepts of Nietzsche in the writings of Elena Guro (*The Story of the Poor Knight*). The main focus is on the authors' understanding of suffering and compassion. A conclusion is made that Guro and Nietzsche saw suffering as an impulse for creative activity and demanded delicacy in compassion; they interpreted Christianity as the message of redemption from guilt and punishment with Christ as a *spiritual aristocrat* who practiced *amor fati*. Through hermeneutics (H.-G. Gadamer, M. M. Bakhtin), it is hypothesized that Guro may have referred

* Кожачкина Дарья Николаевна — аспирант 3-го курса, филологический факультет, кафедра истории русской литературы; Санкт-Петербургский гос. ун-т, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; thedownwardspiral@mail.ru

Darya N. Kozhachkina — Research St., Philology; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; thedownwardspiral@mail.ru

to Shestov's book *The Good in the Teaching of Tolstoy and Nietzsche. Philosophy and Preaching*. In the second part of *The Story Guro plays with the Good and the Preaching* notions of Shestov.

Keywords: Elena Guro, Friedrich Nietzsche, Lev Tolstoy, Lev Shestov, hermeneutics, Christianity, Russian literature, modernism, German philosophy.

Творчество Елены Генриховны Гуро (1877–1913) интересно для исследователя Серебряного века тем, что, не укладываясь в существующие культурологические стереотипы, позволяет с иной точки зрения понять многообразие русского модернизма и переосмыслить некоторые его философские и религиозные источники.

Несмотря на то, что христологический миф о невоплощённом сыне Вильгельме, сформировавшийся в творчестве Гуро, был вдохновлён символистами, которых писательница очень ценила, сама она настойчиво относилась к «врагам» символизма — футуристам из группы «Гилея» [8, с. 271, 274] — чем вызывала недоумение современников: что общего может быть у «тихой» Гуро и Маяковского, Бурлюка, Кручёных? [16] Настолько же любопытной исследовательской проблемой являются многочисленные мотивы из проповедей Заратустры в пронизанных духом сострадания и милосердия текстах писательницы, впервые отмеченные Н. А. Гурьяновой [7, с. 71–72]. Текстуальные параллели подкрепляются письмами Гуро, в которых она признаётся, что регулярно перечитывает Ницше [7, с. 68].

До публикации переписки Гуро с её мужем, художником, музыкантом и теоретиком искусства Михаилом Матюшиным (Н. А. Гурьяновой и А. Льюнгрен были изданы письма 1902–1907 гг.) предполагалось, что писательница относится к Ницше исключительно полемически. Так, З. Г. Минц говорит о неприятии ницшеанства, указывая на «толстовский» пафос текстов Гуро: «Панпсихизм для Гуро — “учение” о всеобщем и абсолютном Добре, о всеохватывающей и абсолютной Любви. Отсюда — полное неприятие ницшеанства <...> Отсюда — многообразные отражения толстовства» [9, с. 117]. После публикации архивов писательницы, в которых есть противоположные свидетельства оценки взглядов Толстого с позиции Ницше [7, с. 68], перед исследователями встал вопрос, как соотносятся христианские мотивы в творчестве Гуро с философией немецкого мыслителя [7, с. 73].

Решением, в большей степени компромиссным, является понятие «полигенетичность», употребляемое в статьях Минц как характеристика модернистских текстов вообще и произведений Гуро в частности. Как отмечает исследовательница, творчество Гуро соединяет в себе элементы многих систем, при этом любая система может приниматься писательницей лишь частично, оставаясь значимой для её художественного мира [21, с. 9]. Отметим, что само понятие «множественности» (πολύς), входящее в состав термина, является исключительно важным для антисистематика-Ницше, писавшего, что «множественность [толкований мира] есть признак силы» [11, с. 339]. Минц, говоря про принципиальную множественность источников Гуро, парадоксальным образом отказывает текстам Ницше даже в «частичном» приятии. При этом, возвращаясь к творчеству Гуро в статье 1991 г., исследовательница отмечает, что оно во многом противоположно мировоззрению Толстого [21, с. 10].

Цель настоящей статьи — рассмотреть специфику страдания и сострадания в мировоззрении Гуро и Ницше, найти точки совпадения их интерпретаций христианства, отделив авторов от их репутации, а тексты — от сложившихся общепринятых толкований. Элементы философии Ницше, появившиеся в сравнительно мало изученных сочинениях Гуро, являются той самой «частью», которая в очередной раз заставляет нас обращаться к философскому целому, согласно принципу герменевтического круга, созвучному мифологеме «вечного возвращения».

Для исследователей творчества Гуро противоположность её позиции расхожему пониманию Ницше (деление людей на рабов и господ, формула «падающего толкни» и т. д.) является очевидной. Современников писательницы по преимуществу впечатляли и «заражали» бунтарский пафос и провокационность, или, как определял Толстой, «наглость» заявлений философа. Гуро интерпретировала тексты Ницше совершенно по-иному. Поскольку речь идёт о специфике конкретного прочтения, позволившего соединить «противоположности», основанием анализа в нашем исследовании, помимо компаративного метода, является связанный с ними герменевтический способ толкования текста, представленный в трудах М. М. Бахтина и Х.-Г. Гадамера. Бахтин определяет понимание как «соотнесение с другими текстами и переосмысление в новом контексте» [1, с. 364]. Согласно Гадамеру, интерпретация всегда задана пред-рассудком (*das Vorurteil*), определяющим горизонт понимания, то есть культурным и историческим контекстом, в который вписано сознание читателя: «Признание исторической конечности способа бытия человека требует принципиальной реабилитации понятия предрассудка и согласия с существованием вполне законных предрассудков» [2, с. 329]. Пред-рассудки при этом делятся на истинные (способствующие пониманию) и ложные (провоцирующие превратное понимание) [2, с. 353]. Вопрос, возникающий в связи со спецификой «понимания» идей Ницше у Гуро, можно сформулировать следующим образом: что, помимо художественной интуиции и жизненного опыта, позволило писательнице сформировать интерпретацию, отличную от общепринятого «понимания»? Какой текст (раз понимание текста есть в том числе и его сравнение с другими текстами) мог выступить как «истинное» пред-суждение, вытесняя предрассудки ложные в условиях «конечности бытия человека» (здесь: невозможности «профессионального» изучения писательницей противоречивого наследия Ницше)? Ответ будет служить почвой для дальнейшего сопоставления полигенетичного творчества Гуро и философии Ницше.

Обращаясь к той же переписке Гуро и Матюшина, кроме цитирования Ницше, в ней можно также обнаружить упоминание имени Л. Шестова: Гуро пишет, что вместе с сестрой Екатериной читает «Записки из подполья», поскольку «на этом, главное, вертятся рассуждения Шестова о Достоевском и Ницше» [20, с. 97] (имеется в виду книга Шестова «Достоевский и Ницше. Философия трагедии» (1902)). Вполне вероятно, что Гуро была также знакома с сочинением Шестова «Добро в учении гр. Толстого и Фр. Ницше. Философия и проповедь», опубликованным несколькими годами ранее. При этом необходимо отметить, что, сообщая в дальнейших письмах свои мысли по поводу

трактата Толстого «Что такое искусство?», Гуро никак не упоминает связанную с этим трактатом книгу Шестова. Это значит, что её собственная интерпретация сочинений Ницше в начале 1900-х гг. формировалась скорее параллельно выводам Шестова, однако его книги в дальнейшем могли стать источником для «сверки понимания», то есть выступали в функции не «пред-рассудка», а, строго говоря, «со-рассудка», что подводит нас к концепции диалога (здесь: полилога) Бахтина.

По крайней мере, многие положения «Добра в учении Толстого и Ницше» перекликаются не только с мыслями Гуро в письмах к Матюшину, но и с некоторыми высказываниями Бедного Рыцаря/«невоплощённого сына» из «Поучений Светлой Горницы» (вторая часть неоконченной «Истории Бедного Рыцаря», над которой Гуро работала с 1910 г.). Отметим, что само слово «поучения» может отсылать к шестовскому понятию проповеди. Шестов понимает проповедь как жанр, монополизирующий «право на добро» [17, с. 243], в то время как Гуро утверждает принципиальную множественность добра/истины/смыслов, то есть создаёт своего рода анти-проповедь. В контексте шестовского протеста против монополии на истину слова Рыцаря «у каждого смысла тысяча тысяч смыслов» [3, с. 211] воспринимаются как постулат «философии жизни», а не только как запоздалая отсылка к символизму. Впрочем, наибольшую актуальность слова Гуро обрели, конечно же, в русле герменевтики.

Говоря о восприятии страдания, сострадания и христианства в философии Ницше и произведениях Гуро, мы также будем приводить параллели из «Добра в учении Толстого и Ницше» Шестова.

Начнём с разбора понятий страдания и сострадания. Говоря о специфике концепции сострадания у Ницше, начать следует с того, что собственные взгляды немецкий философ формировал в противовес воззрениям своего юношеского кумира А. Шопенгауэра, исходившего из того, что страданию равно подвержены все живущие («история каждой жизни — это история страданий» [18, с. 277]). Как отмечает А. И. Троцак, сострадание по Шопенгауэру представляет собой реализацию формулы «я = ты» [15, с. 231]. Фактически сострадание означает, что человек проецирует чужие страдания на себя («благо и зло другого становятся непосредственно близкими моему сердцу» [15, с. 231]).

В философии Ницше возможность «перестрадать» чужое горе представляется абсурдной как раз из-за идеи принципиального неравенства субъектов, особенно — неравенства в страдании. Здесь нужно отметить, что Гуро эта мысль была особенно близка: в своих письмах писательница часто вспоминала фразу Заратустры «ибо люди не равны, так говорит справедливость!» [20, с. 99]. На той же мысли заострял внимание Шестов, указывая, как и Гуро, что Толстой и Ницше исходили из противоположных предпосылок о равенстве/неравенстве людей [17, с. 299–301].

Само по себе страдание у Ницше выступает не объединяющим, но индивидуализирующим фактором:

«То напряжение души в несчастье, которое прививает ей крепость, её содрогание при виде великой гибели, её изобретательность и храбрость в перенесении, претерпении, истолковании, использовании несчастья, и всё, что даровало ей

глубину, тайну, личину, ум, хитрость, величие, — разве не было даровано ей это под оболочкой страдания, под воспитанием великого страдания?» [12, с. 346].

Если предпосылкой сострадания по Шопенгауэру является мысль о том, что мир дурен, а все живущие — жертвы его дурного устройства, то оправдание «великого страдания» у Ницше имеет своим источником чувство, сравнимое с восторгом натуралиста перед природными механизмами адаптации. В этом смысле концепцию преодолевающей воли можно назвать своего рода «органицизмом».

Мировоззрению Гуро свойствен такой восторг перед творящими силами природы, частным проявлением которых является человек-творец («всё прекрасно тем, что разное» [3, с. 213], «творят умные сосны» [6, с. 66], «Я творец! Я светлый ураган Бальдера!» [5, с. 17]). Даже любовь Гуро к северным пейзажам, которые в большом количестве присутствуют в книге «Небесные верблужата» (1914), по существу, объясняется тем, что северная природа является для писательницы символом борьбы и самопреодоления, воспитания посредством «великого страдания».

Наиболее очевидная переключка с ницшевским пониманием страдания присутствует у Гуро в «Истории Бедного рыцаря», хотя Минц писала именно об этом тексте как о содержащем «полюмическое отражение притч ницшевского Заратустры» [9, с. 117]. В повести высказываются мысли, созвучные ницшевской концепции страдания как импульса к самопреодолению, проявляющемуся в творчестве: «Страдание несут все несущие плоть: одни слепо выполняют закон тел, возмездие, а избранные покорно в страдании приобретают Сокровище» [3, с. 211], «Многие не за грехи страдают, а чтобы возвеличилась правда в многообразии и прозрачными стали души ваши как стекло» [3, с. 208]. Избранные предстают здесь как творцы — философы, поэты, — открывающие новое в процессе преодоления страдания. Как говорил Шестов о Ницше, «чтоб явилась новая истина, потребовалась новая Голгофа» [17, с. 297].

Взгляд на феномен страдания «с точки зрения Ницше» также присутствует в одной из дневниковых записей Гуро (в последние годы писательница боролась с лейкемией): «Я боюсь момента смерти... Ну не стоит. Где наша не пропадала. Страдания не стоит бояться. Даже нравственного, хотя оно куда ядовитей, растяжимей. <...> В моей жизни нет ни одного страдания, не принёсшего ничего» [4, с. 33].

При этом важно обратить внимание, что, признавая воспитательный эффект страдания, Ницше не является апологетом жестокости и равнодушия. Говоря о помощи страдающему, он требует исключительной пронизательности и деликатности: «Пусть будет твоё сострадание угадыванием: ты должен сперва узнать, хочет ли твой друг сострадания» [13, с. 41]. Ставя акцент на понимании, похожую мысль озвучивает Гуро: «Кто знает тысячу скорбей, знает тысячу состраданий и угадывает слова молчания и отвечает тем, кто не смеет спросить» [3, с. 208]; «Рождение добра такое болезненное. Но оттенки добра от этого прибавились, выросли в мире. <...> Вырабатываются новые грани соприкосновения-сострадания, понимания тонкостей нужд другого» [3, с. 212]. В последней цитате внимание также привлекает слово «добро», как бы пере-

кликающееся и одновременно противопоставленное догматическому добру из книги Шестова. Отметим, что похожая мысль о «разности» сострадания встречается также у Шестова: «<...> сострадание утешает “многих”, но “немногих” только оскорбляет, особенно в тех случаях, когда оно является как дань нравственности и как отыскание “блаженства”» [17, с. 304]. Любопытно также, что Гуро говорит про «слова молчания», а Шестов называет Ницше философом молчащих:

«То, что произошло с Ницше, происходит с тысячами людей <...>. И, может быть, все эти люди так же <...> реагируют на свои несчастья — но молчат: не умеют или не смеют возвысить свой голос против установленных другими, не знавшими их страданий, принципов» [17, с. 267].

Сострадать, по Ницше, нужно «издали»: «<...> если я сострадателен, то только издали. <...> Ибо когда я видел страдающего страдающим, я стыдился его из-за стыда его; и когда я помогал ему, я прохаживался безжалостно по гордости его» [13, с. 62–63]. Эти слова можно сравнить со стремлением повествователя в книге Гуро «Небесные верблюжата» послать одинокому «шарф нежной шерсти сиреневыми полосками» [5, с. 74] — сострадание здесь превращается в деликатный и робкий жест утешения, сделанный «издали».

Кроме того, в «Истории Бедного рыцаря» Гуро присутствует любопытное описание «спасения» лошади, которое можно понять не только как продолжение традиции Н. А. Некрасова и Ф. М. Достоевского, но и как своеобразную отсылку к знаменитому туринскому эпизоду из биографии Ницше: «И случилось, что когда вышел [Бедный Рыцарь, невоплощённый сын Эльзы. — Д. К.] на улицу постоять, прогив их ворот мучилась лошадь и не могла сдвинуть воза. А он протянул руку к возу — и сдвинулся по ровному месту как под гору» [3, с. 156]. Интересно, что дух, спасший лошадь, является невоплощённым, то есть невидимым (в повести видеть его может только его мать Эльза, автопсихологический образ). Эта особенность позволяет характеризовать героя с точки зрения ницшевской «стыдливости» в сострадании (Заратустра: «Я люблю скрывать своё лицо и убегаю, прежде чем узнаю я; так советую я делать и вам, друзья мои!» [13, с. 62]).

С пониманием страдания и сострадания также связано осмысление христианства в произведениях Гуро и Ницше. В «Истории Бедного рыцаря» Христос упоминается достаточно часто. Наибольший интерес представляет неоднократно развиваемая мысль «Завет Христа в своём развитии уничтожит сумрачный закон кармы» [3, с. 207], совпадающая со своеобразным пониманием христианства у Ницше. Отвергая принцип наказания и награды как воплощение ресентимента, философ предлагает «психологическую» трактовку учения Христа: «Во всей психологии “Евангелия” отсутствует понятие вины и наказания; равно как и понятие награды. “Грех”, всё, чем определяется расстояние между Богом и человеком, уничтожено, — это и есть “благовестие”» [10, с. 658–659]. Похожим образом говорит о Христе Бедный Рыцарь Гуро: «Пусть для вас не будет ни наказания, ни награды. Не благодарите и не награждайте, не наказывайте и не мстите, — делайте доброе из любви, и кармические законы не будут над вами властны» [3, с. 208]. Имморализм Гуро порой даже

превосходит ницшевский: «Научитесь радоваться, если увидите зло безнаказанным» [3, с. 208].

Стоит отметить, что, подобно Ницше, Гуро часто спорит непосредственно с евангельскими текстами: «Рассказ о стаде свиней и о бесах — это пыль, приставшая к преданию по неразвитию передававших. Как мог Христос погубить и внести в мир смерть, когда Он пришёл уничтожить смерть» [3, с. 212]. Когда Бедный Рыцарь у Гуро воспроизводит слова Крестителя («ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму!» (Мф 3:9)), то кардинально меняет их смысл: Бог здесь не создаёт новых людей из камней, уничтожив за грехи предков Авраама, но прощает всех и даже камням даёт душу («Камни воскликнут и превратятся в детей. Итак свершится: “Из камня создам детей Аврааму!”» [3, с. 210]).

Любопытно, что, описывая *истинного* Христа как аристократа, Ницше акцентирует именно «непротивление злу», послужившее основой философии Толстого: «*Не защищаться, не гневаться, не привлекать к ответственности...* Но также не противиться злему, — *любить* его...» (курсив Ницше) [10, с. 660]. Более того, приятие жизни во всех её проявлениях, «дионисийское да-сказание миру как он есть, без изъятий, исключений и разбора» [11, с. 545], лежит в основе ницшевской идеи *amor fati*, любви к необходимости и благословения катастрофичной судьбы. Говоря о многочисленных аналогиях между высказываниями Ницше о Христе и о самом себе, Карл Ясперс объясняет эти совпадения как экспериментальное «самоотождествление с противником» [19]. На наш взгляд, всё объясняется тем, что Ницше не мог не замечать «типологического» сходства между собой и Христом: его философия жизни так или иначе была определена ожиданием грядущего сумасшествия («ужасная мысль о том, что наследственность предопределила ему судьбу отца, пришла уже в детстве» [14]), как жизнь и поучения Христа определялись Голгофой, предсказанной пророками. С личностью Христа соотносился князь Мышкин, и характеризующее его понятие «Идиот» (изначально др.-греч. ἰδιώτης — частный человек, живущий вне жизни полиса, неопытный и несведущий; в совр. значении — страдающий глубокой формой умственной отсталости, психическим заболеванием) для Ницше становилось проекцией его собственной участи [10, с. 655].

Отметим, что идея *amor fati* была для рано умершей Гуро личным переживанием, и также распространилась на образ сына Элеоноры/Эльзы Вильгельма. Впервые этот персонаж появляется в пьесе «Осенний сон» (1912), где описана его необъяснимая безвременная гибель. Представление трагичности и катастрофичности человеческого существования как неизбежной и даже желаемой необходимости в творчестве Гуро явно не относится к толстовству, стремившемуся гармонизировать человеческую жизнь, но стоит в прямой связи с ницшевской философией трагедии. При этом в своих произведениях Гуро мягко обыгрывает «аристократизм духа» Ницше, часто называя своего героя принцем, маркизом, бароном, рыцарем или «дворянчиком». В неоконченной повести, а также в книге «Небесные верблюжата» сын/невоплощённый рыцарь Вильгельм как бы перестаёт быть «Вилей» из «Осеннего сна», в чём слышится только намёк на немецкое *Wille*, и предстаёт неким прямым подобием воли, присутствующей во всех предметах [3, с. 194].

Также отметим, что образ ребёнка у обоих авторов непосредственно связан с Христом: в «Истории Бедного Рыцаря» присутствуют вставные стихи о Христе-ребёнке, играющем с другими детьми [3, с. 187], а в «Антихристе» говорится, что вера Христа означает «возвращение к детству в области психического» [10, с. 657]. Сам по себе образ ребёнка в ницшевских «метаморфозах духа» (верблюд — лев — дитя), как известно, наполнен позитивным содержанием.

В заключение, ещё раз обращаясь к мысли Минц о разнообразных отражениях толстовства и неприятия Ницше у Гуро, хотим привести любопытные слова Шестова о христианстве в произведениях Толстого и Ницше, в том числе дающие ответ на вопрос, как христианство могло сочетаться в текстах писательницы с «ницшеанством»:

«Несмотря на то, что он [Толстой] всегда ссылается на Евангелие, — христианского в его учении очень мало. Если приравнять его к св. Писанию, то разве к Ветхому Завету, к пророкам, которых он напоминает характером своей проповеди и требовательностью» [17, с. 263].

«Приведем еще слова Заратустры, из которых видно будет, до какой поразительной нравственной высоты — *именно в евангельском смысле* — доходит отрекшийся Ницше, и как мало можно доверять обычным легендам, связанным с именем этого писателя. “Найдите же мне любовь, которая не только все наказанья, но и вину несет на себе; найдите мне справедливость, оправдывающую всех, кроме судей”» (курсив Шестова) [17, с. 310].

Итак, мы сопоставили концепции христианства, страдания и сострадания в философии Ницше и в произведениях Елены Гуро. Противоположность мировоззренческих установок данных авторов представляется мнимой даже в наиболее проблематичных случаях. И Гуро, и Ницше на самих себе испытывают «воспитательный» эффект страдания; немецкий философ при этом отнюдь не чужд и сострадания, однако не принимает морального превосходства и бесстыдства страдающего. Христианство Гуро и «антихристианство» Ницше также обнаруживают немало сходства: оба автора спорят с каноном, образ Христа у них соединяется с образом ребёнка, а также принимающего «великое страдание» аристократа духа, который не проклинает, не судит и не наказывает. В своём прочтении Ницше, отличном от распространённых в XX в. представлений, Гуро могла опираться на тексты Л. Шестова, посвящённые специфике ницшевской нравственности. Связанные глубинным, не сразу заметным родством, произведения данных авторов как бы подсвечивают дополнительные измерения друг друга. Корректируя сложившееся предпонимание, мы снова и снова возвращаемся к их прочтению путём герменевтического круга, «чтобы возвеличилась правда в многообразии, и прозрачными стали души как стекло» [3, с. 208], то есть, чтобы мы сами стали доступными для нашего собственного понимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров. — М.: Искусство, 1979. — С. 361–373.
1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. Герменевтики / Пер. с нем./ Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. — М.: Прогресс, 1988. — 704 с.
2. Гуро Е. Г. Бедный рыцарь // Небесные верблюджата; Бедный рыцарь; Стихи и проза / Сост., авт. ст. и примеч. Л. В. Усенко. — Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1993. — С. 5–47; 145–214.
3. Гуро Е. Г. Из записных книжек / Сост. и вступ. ст. Е. Биневича. — СПб.: Фонд русской поэзии, 1997. — 108 с.
4. Гуро Е. Г. Небесные верблюджата. — СПб.: Журавль, 1914. — 127 с.
5. Гуро Е. Г. Шарманка. — СПб.: Сириус, 1909. — 220 с.
6. Гурьянова Н. А. Толстой и Ницше в «творчестве духа» Елены Гуро // *Euroa Orientalis*. — 1994. — Vol. XIII(1). — С. 63–76.
7. Матюшин М. В. Русские кубофутуристы (предисловие и примечания Н. И. Харджиева) // Небесные верблюджата; Бедный рыцарь; Стихи и проза / Сост., авт. ст. и примеч. Л. В. Усенко. — Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1993. — С. 5–47; 268–277.
8. Минц З. Г. Фугуризм и «неоромантизм» (К проблеме генезиса и структуры «Истории бедного рыцаря» Ел. Гуро) // Труды по русской и славянской филологии. — Тарту, 1988. — Учёные записки Тартусского гос. ун-та. — Вып. 822. — С. 109–121.
9. Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству // Соч.: в 2 т. — Т. 2 / Пер. с нем. А. В. Флёровой. Сост., ред., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. — М.: Изд-во Мысль, 1996. — С. 631–692.
10. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Е. Герцк и др. — М.: Культурная Революция, 2005. — 880 с.
11. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Соч.: в 2 т. — Т. 2 / Пер. с нем. Н. Полилова. Сост., ред., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. — М.: Изд-во Мысль, 1996. — С. 238–406.
12. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Соч.: в 2 т. — Т. 2 / Пер. с нем. Ю. М. Антоновского. Сост., ред., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. — М.: Изд-во Мысль, 1996. — С. 5–237.
13. Перцев А. В. Фридрих Ницше: Дела семейные // Вестник Московского университета. — Сер. 7. Философия. — 2001. — № 4. — С. 20–37. — [Электронный ресурс] URL: www.nietzsche.ru/biograf/litera/family/ (Дата обращения: 15.01.2024)
14. Троцак А. И. Нравственные законы и принципы в системах И. Канта и А. Шопенгауэра. Анализ критики Шопенгауэром категорического императива Канта // X Кантовские чтения. Классический разум и вызовы современной цивилизации: матер. международной конференции. В 2 ч. — Ч. 2. — Калининград, 2010. — С. 221–237.
15. Ходасевич В. Ф. Е. Гуро. Небесные верблюджата // Собр. соч.: В 8 т. — Т. 2. Критика и публицистика (1905–1927) / Сост., подгот. текста, комм. Дж. Малмстада и Р. Хьюза; Вступ. ст. Р. Хьюза. — М.: Русский путь, 2010. — С. 183.
16. Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Фр. Ницше. Философия и проповедь // Соч.: в 2 т. — Т. 1. — Томск: «Водолей», 1996. — С. 215–316.
17. Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6 т. — Т. 1. Мир как воля и представление / Пер. с нем.; Под общ. ред. А. Чанышева. М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Республика, 1999. — 496 с.
18. Ясперс К. Новая философия Ницше. Самоотожествление с противником // Ницше и христианство / Пер. с нем. Т. Ю. Бородай. — М.: «Медиум», 1994. — С. 79.

19. Elena Guro: Selected Writings from the Archives / Ed. by A. Ljunggren, N. Gourianova. — Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1995. — 132 p.

20. Minc Z. G. Неопубликованное произведение Елены Гуро «Бедный рыцарь» // Russian Literature. Amsterdam, 1991. — Vol. 29. — № 1. P. 1–24.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. K metodologii gumanitarnykh nauk [On the Methodology of Humane Studies]. In: Estetika slovesnogo tvorchestva. Sost. S. G. Bocharov. — Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. — S. 361–373. — (In Russian).

1. Gadamer Kh.-G. Istina i metod: Osnovy filos. germenevtiki [Truth and Method]. Per. s nem. Obshch. red. i vstup. st. B. N. Bessonova. — Moscow: Progress Publ., 1988. — 704 s. — (In Russian).

2. Guro E. G. Bednyi rytsar' [The Poor Knight]. In: Nebesnye verbluzhata; Bednyi rytsar'; Stikhi i proza. Sost., avt. st., i primech. L. V. Usenko. — Rostov-na-Donu: Rostov University Publ., 1993. — S. 5–47; 145–214. — (In Russian).

3. Guro E. G. Iz zapisnykh knizhek [From the Notebooks]. Sost. i vstup. st. E. Binevicha. — St. Peterburg: Fond russkoi poezji Publ., 1997. — 108 s. — (In Russian).

4. Guro E. G. Nebesnye verbluzhata [Little Camels of the Sky]. — St. Peterburg: Zhurav' Publ., 1914. — 127 s. — (In Russian).

5. Guro E. G. Sharmanka [The Hurdy-Gurdy]. — St. Peterburg: Sirius Publ., 1909. — 220 s. — (In Russian).

6. Gur'ianova N. A. Tolstoi i Nitsشه v "tvorchestve dukha" Eleny Guro [Tolstoy and Nietzsche in the "spiritual creation" of Elena Guro]. — In: Europa Orientalis. — 1994. — Vol. XIII(1). — C. 63–76. — (In Russian).

7. Matiushin M. V. Russkie kubofuturisty (predislovie i primechaniia N. I. Khardzhieva) [Russian Cubofuturists]. In: Nebesnye verbluzhata; Bednyi rytsar'; Stikhi i proza / Sost., avt. st., s. i primech. L. V. Usenko. — Rostov-na-Donu: Rostov University Publ., 1993. — S. 5–47; 268–277. — (In Russian).

8. Mints Z. G. Futurizm i «neoromantizm» (K probleme genezisa i struktury «Istorii bednogo rytsaria» El. Guro) [Futurism and "neoromanticism" (To the problem of genesis and the structure of The Poor Knight by Elena Guro)]. — In: Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. — Tartu, 1988. — Uchenye zapiski Tartusskogo gos. un-ta. — Vyp. 822. — S. 109–121. — (In Russian).

9. Nitsشه F. Antikhrist. Proklatie khristianstvu [The Antichrist]. In: Soch.: V 2 t. — T. 2 / Per. s nem. A. V. Flerovoi. Sost., red., vstup. st. i primech. K. A. Svas'iana. — Moscow: Mysl' Publ., 1996. — S. 631–692. — (In Russian).

10. Nitsشه F. Bolia k vlasti. Opyt pereotsenki vseh tsennostei [The Will to Power. An Attempt at a Revaluation of All Values] / Per. s nem. E. Gertsyik i dr. — Moscow: Kul'turnaia Revoliutsiia Publ., 2005. — 880 s.

11. Nitsشه F. Po tu storonu dobra i zla [Beyond Good and Evil]. In: Soch.: V 2 t. — T. 2 / Per. s nem. N. Polilova. Sost., red., vstup. st. i primech. K. A. Svas'iana. — Moscow: Mysl' Publ., 1996. — S. 238–406.

12. Nitsشه F. Tak govoril Zaratustra [Thus Spoke Zarathustra]. In: Soch.: V 2 t. — T. 2 / Per. s nem. Iu. M. Antonovskogo. Sost., red., vstup. st. i primech. K. A. Svas'iana. — Moscow: Mysl' Publ., 1996. — S. 5–237.

13. Pertsev A. V. Fridrikh Nitsشه: Dela semeinye [Friedrich Nietzsche: Family Matters]. In: Vestnik Moskovskogo universiteta. — Ser. 7, Filosofiiia. — 2001. — № 4. — S. 20–37. — [Элек-

тронный ресурс] URL: www.nietzsche.ru/biograf/litera/family/. (Accessed: 15.01.2024). — (In Russian).

14. Trotsak A. I. Nravstvennye zakony i printsipy v sistemakh I. Kanta i A. Shopengauera. Analiz kritiki Shopengauerom kategoricheskogo imperativa Kanta [Moral laws and principles in the systems of I. Kant and A. Schopenhauer. The analysis of Schopenhauer's criticism towards the Categorical Imperative]. In: X Kantovskie chteniia. Klassicheskii razum i vyzovy sovremennoi tsivilizatsii: mater. mezhdunarodnoi konferentsii. — V 2 ch. — Ch. 2. — Kaliningrad. 2010. — S. 221–237. — (In Russian).

15. Khodasevich V. F. E. Guro. Nebesnye verbluizhata [E. Guro. Little Camels of the Sky]. In: Sobr. soch.: V 8 t. — T. 2. Kritika i publitsistika (1905–1927) / Sost., podgot. teksta, komm. Dzh. Malmstada i R. Kh'iuzza; Vstup. st. R. Kh'iuzza. — Moscow: Russkii put' Publ., 2010. — S. 183. — (In Russian).

16. Shestov L. Dobro v uchenii gr. Tolstogo i Fr. Nitsche. Filosofii i propoved' [The Good in Teaching of Tolstoi and Nietzsche. Philosophy and Preaching]. In: Soch.: v 2 t. — T. 1. — Tomsk: Vodolei Publ. 1996. — S. 215–316. — (In Russian).

17. Shopengauer A. Sobr. soch.: V 6 t. — T. 1. Mir kak volia i predstavlenie [The World as Will and Representation] / Per. s nem.; Pod obshch. red. A. Chanysheva. — Moscow: TERRA — Knizhnyi klub Publ.; Respublika Publ., 1999. — 496 s. — (In Russian).

18. Iaspers K. Novaia filosofii Nitsche. Samootozhdestvlenie s protivnikom [The New Philosophy of Nietzsche. Self-Identificating with the Enemy]. In: Nitsche i khristianstvo / Per. s nem. T. Iu. Borodai. — Moscow: Medium Publ. 1994. — S. 79. — (In Russian).

19. Elena Guro: Selected Writings from the Archives. Ed. by A. Ljunggren, N. Gourianova. — Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1995. — 132 p. — (In Russian and English)

20. Minc Z. G. Neopublikovannoe proizvedenie Eleny Guro «Bednyi rytsar'» [The Unpublished Text of Elena Guro The Poor Knight]. In: Russian Literature. — Amsterdam. 1991. — Vol. 29. — № 1. — P. 1–24. — (In Russian).